

Получив столь определенные результаты, Цзян Умянь незамедлительно отозвал уездных стражников, чтобы подготовить их к предстоящей проверке.

Генерал Сюэ Вэнь, ожидая вестей от Бай Чуханя, тем временем установил плотное наблюдение за префектом Ли Мином и уездным судьей Фан Пином. Ему оставалось лишь дожидаться решения императора Цзяньюаня. Стоило государю дать согласие, как расставленные сети затянулись бы, и достопочтенный учитель Цзян Умяня, Се Яньхан, смог бы незамедлительно отправиться в путь.

Конечно, если бы император Цзяньюань ответил отказом, военным пришлось бы действовать по обстоятельствам. В таком случае префекта Ли Мина пока не тронули бы, а вот Фан Пина немедленно бросили бы за решетку.

Словом, у Сюэ Вэня и его людей забот хватало, так что всю черную работу уездного судьи Цзяня пришлось возложить на плечи собственных стражников.

К тому же новоиспеченным ищейкам требовалась хорошая встряска для обучения. Цзян Умянь поручил проведение проверки Ли Е, велел ему лично возглавить сыскной отряд.

Пока в Шаоюане вовсю кипела подготовка к расследованию, купеческий караван уже миновал область Цзяннань и взял курс на юг, к землям Линнаня, намереваясь со дня на день бросить якорь в префектуре Нанькан.

Купцы не пытались скрываться. Из трюмов на пристань префектуры споро выгружали тяжелые деревянные ящики, помеченные фамильным клеймом «Ху». Караван ненадолго задержался в городе; переговорив в тот же вечер с префектом Ли Мином, уже на следующее утро его предводитель спешно отбыл в уезд Пинцин.

Дорога выдалась на редкость ухабистой и тяжелой, однако ехавший во главе отряда мужчина не проронил ни слова. Весь караван продвигался вперед в глубоком молчании. Лишь молодой господин Ху Чэнь, которого уложили в повозку еще на реке из-за сильной морской болезни, наконец пришел в себя и принялся капризно жаловаться кузену на тяготы пути:

— Второй брат, ну зачем нам сдалась эта глушь? Неужели нельзя было просто велеть нашему лавочнику прислать этот плуг для заливных полей в столицу?

Ху Чэнь выглядел краше в гроб кладут — бледный, изможденный. Путь из самой столицы по Великому каналу до области Цзяннань, а затем на корабле от префектуры Сунцзян на юг дался ему нелегко. Из-за бесконечной качки он совершенно потерял счет дням и ночам, едва понимая, когда солнце всходит, а когда заходит.

Теперь же, словно мало ему было страданий на воде, телегу немилосердно трясло на каменистых ухабах горной дороги. Каждое восхождение на крутой перевал и каждый спуск отдавались глухой болью во всем теле.

И ради чего все эти мучения? Ради того, чтобы лично явиться на поклон к какому-то мелкому уездному судье, смастерившему новый плуг?

Мысль о том, что влиятельный и благородный клан Ху должен заискивать перед ничтожным провинциальным чиновником, больно задевала спесь юноши. Но перечить старшему кузену он не смел, ограничиваясь лишь тихим недовольным ворчанием.

Ху Чжэн развернул коня и пристроился рядом с повозкой, сбавив шаг.

— Этот новый плуг для заливных полей даже в одиночном исполнении работает куда проворнее обычного изогнутого плуга, — ровным, спокойным тоном пояснил он. — А усовершенствованная трехрядная модель позволяет пахать сразу три борозды одновременно. Подумай сам, какая это выгода для земледельцев.

Ху Чэнь, хоть и не дотягивал до звания отпетого столичного повесы, все же оставался типичным праздным бездельником. Всю свою жизнь он растрачивал на пиры да забавы, а в крестьянском труде смыслил не больше, чем в тонкостях придворного этикета.

В столице слухи о чудо-плуге пошумели какое-то время, да и затихли, сменившись новыми сплетнями. Стоит ли удивляться, что подобные Ху Чэню молодые господа быстро позабыли о новинке.

Откровения кузена не принесли юноше облегчения — он лишь сильнее насупился, чувствуя, как внутри закипает глухая досада.

«И все же он всего лишь жалкий уездный судья! Наш отец — помощник министра налогов, дед по матери — прославленный генерал Военного комиссариата, а дед по отцу когда-то и вовсе возглавлял министерство! С какой стати столь знатному семейству унижаться перед заштатным чиновником?»

Ху Чжэн прекрасно видел недовольство, написанное на лице родственника. Мальчишка был слишком молод, избалован толпой прихлебателей и горд до крайности. Семья никогда не обременяла его строгими обязанностями, что и взрастило в нем этот несносный капризный нрав.

Злого умысла в нем не водилось, однако манеры его порой у любого могли вызвать изжогу.

Ху Чжэн лишь снисходительно улыбнулся и не стал продолжать спор.

Отряд медленно продвигался к уезду Пинцин. Горная круча сменилась разбитым проселком, и лишь в сумерках, когда стража на воротах уже готовилась запереть городские врата, уставшие путники наконец достигли трактира семейства Ху.

Лавочник Ху весь день провел как на иголках. Он безумно боялся, что с высокими гостями из главной ветви клана по дороге стряется какая-нибудь беда, и тогда гнева хозяев ему точно не избежать.

Но едва у порога остановились повозки с родовым гербом «Ху», у старика отлегло от сердца. Рассыпаясь в угодливых улыбках, он поспешил навстречу господам.

— Господин, прошу вас, проходите скорее внутрь! — суетился старик.

Первым делом Ху Чжэн распорядился устроить на ночлег измученного кузена, приказал надежно запереть привезенный товар, а после сытного ужина позвал управляющего к себе, дабы подробно расспросить о делах в уезде Шаоюань.

— Расскажи мне все без утайки, — потребовал Ху Чжэн. — С самого первого дня, как в уезд прибыл новый судья.

Готовясь к поездке, Ху Чжэн навел справки о новом главе Шаоюаня. Им оказался Цзян Умянь — блестящий чжуаньюань последнего столичного выпуска, любимый ученик самого Се Яньхана.

Из-за безжалостной придворной грызни этот выдающийся ученый муж был сослан в дикий Линнань прозябать на должности скромного уездного чиновника. И вот теперь сам Ху Чжэн проделал путь в тысячи ли от столицы до этой глухомани лишь ради встречи с опальным чжуаньюанем. Поистине, пути судьбы неисповедимы.

Управляющий Ху подготовился на совесть. Едва услышав вопрос, он тут же заговорил вздохом, спеша выложить все собранные слухи и факты.

—... Три железных лемеха идут бок о бок! Не прошло и полудня, как весь астрагал китайский на пяти му земли уложили плашмя, запахали начисто — ни травинки зеленой не осталось! — восторженно вещал старик. — Такое диво только под заказ делают. Наш трактир тоже выхлопотал себе один плуг, он сейчас на заднем дворе дожидается. Желаете взглянуть, господин?

Несмотря на глухую полночь и крайнюю усталость после долгой дороги, они не стали откладывать дело до утра и сразу же направились во двор, чтобы своими глазами увидеть диковинное орудие.

Таких трехлемешных плугов в округе насчитывались единицы, да и те держали в секрете. Свой

экземпляр управляющий раздобыл втайне, снарядив верных слуг на телеге, чтобы те под покровом темноты привезли его прямо из уезда Шаоюань.

Осмотрев тяжелый кованный плуг, Ху Чжэн шумно вздохнул.

«Если бы господин Цзян — нет, теперь уже судья Цзян — явил это чудо миру во время траура по родителям, император непременно призвал бы его обратно ко двору. Не пришлось бы благородному ученому прозябать на окраине империи, а нам — преодолевать горы и реки ради мимолетной встречи»

Но тут же Ху Чжэн одернул себя: умей Цзян Умянь лукавить, плоды его трудов давно прибрал бы к рукам хищный клан Хань, обратив чужую славу в собственное политическое оружие.

А теперь сама судьба преподнесла этот бесценный дар семейству Ху.

Наутро Ху Чжэн с малой частью отряда выдвинулся в Шаоюань. Основные же силы купеческого каравана, дожидавшиеся в префектуре, двинулись на юг одновременно с ним, чтобы соединиться у самых ворот уездного города.

Объединенное шествие насчитывало несколько сотен человек. Преодолев тысячи ли, они, как и положено утомленным путникам, застыли перед мощными городскими стенами в ожидании, пока стража распахнет тяжелые створы ворот.

Но на этот раз привычный порядок нарушился. Тщательно досмотрев повозки, дозорные не спешили давать добро на въезд. Вместо этого один из них зычно крикнул в глубь крепостной арки:

— Чэнь Эрчжу! Тут новые люди пожаловали!

Управляющий Ху почуял неладное. Переглянувшись с молодым хозяином, он нацепил самую приветливую улыбку и поспешил к старшему караула:

— Почтенный, неужто в наших бумагах отыскалась какая-то неточность? Или с товаром что не так?

Их торговый караван ходил по этим дорогам из поколения в поколение. Даже если не брать в расчет секретное дело о новых плугах, закупка благовоний и пряностей в Линнани всегда считалась обычным делом. За долгие годы это был первый случай, когда их заставили ждать у ворот как чужаков.

Если говорить начистоту, за десятилетия успешных торговых дел никто прежде не осмеливался чинить препятствия славному клану Ху.

Управляющий лихорадочно соображал, какую еще каверзу выдумал неумный судья Цзян. О страшной участи четырех богатейших семейств Шаоюаня, которых новый законник в одночасье стер в порошок, в соседних уездах знали все от мала до велика.

Однако, поразмыслив, старик успокоился. В конце концов, за его спиной стояли двое молодых господ из самого рода Ху. Случись самому судье Цзяну явиться сюда, ему пришлось бы со всеми почестями и поклонами препроводить их в уездную управу.

Эта мысль мгновенно вернула управляющему былую уверенность, и он расправил плечи.

Из ворот резво выбежал Чэнь Эрчжу, облаченный в новенькое красно-черное платье стражника.

— Батюшки, почтенный лавочник Ху! — всплеснул он руками. — Каким же ветром вас к нам занесло? И караван с вами какой знатный, сколько людей! Чудесно, просто великолепно! Прошу вас, милости просим в город!

Они были старыми знакомыми: матушка Чэнь Эрчжу до замужества и переезда в Шаоюань прислуживала у лавочника Ху. Увидев знакомого, управляющий хотел было расспросить его подробнее, но стражник, не дав ему вставить и слова, увлек старика за собой под своды ворот.

— Пожалуйста сюда, уважаемый! — весело лопотал Эрчжу, ведя его за собой. — Сами ведь из Пинцина прибыли, верно? Стало быть, о здешних переменах наслышаны, не мне вам сказки с самого начала сказывать.

Управляющий Ху мысленно выругался, мечтая зашить парню его болтливый рот. Он строго прервал поток бессмысленной речи, велел говорить по делу: молодые господа не станут терпеть пустую трату времени.

— Ох, и то правда, болтун я, находка для шпиона, — спохватился стражник.

Он даже не оглянулся на всадников позади. Простой дозорный прекрасно понимал: богатые столичные купцы — птицы слишком высокого полета. Сделай он хоть один неверный жест, нарушь приличия — и разгневанные вельможи сотрут его в порошок, тут уж сам судья Цзян не выручит.

— Наш господин судья Цзян издал указ! — доверительно понизив голос, заговорил Чэнь Эрчжу. — Первому крупному каравану, что пожалует в Шаоюань, жилье предоставляется совершенно бесплатно, а плата за яства и хмельное урезается на целых две десятых! Так что располагайтесь со всеми удобствами, торгуйте, пейте да ешьте вволю!

Разумеется, подобная милость оказывалась лишь единожды. В последующие визиты купцам пришлось бы платить звонкой монетой сполна. Да и дарованная скидка действовала только в

одном-единственном заведении уезда, прочие лавки и постоянные дворы таких поблажек делать не собирались.

Управляющий заподозрил подвох. Он осторожно оглянулся на ехавшего верхом Ху Чжэна, но лицо молодого господина оставалось бесстрастным. Делать нечего — пришлось покорно следовать за Чэнь Эрчжу и выслушивать его хвастовство.

Парень и впрямь оказался на редкость речистым — язык его без устали молот всю дорогу. Впрочем, Чэнь Эрчжу имел для этого все причины: его сердце переполняла искренняя, глубокая благодарность к уездному судье. Не вывеси Цзян Умянь на городской стене указ о наборе стражи, парень до сих пор гнул бы спину на скудном поле за жалкие гроши, терпя при этом понукания и зуботычины от каждого зажиточного соседа.

Ныне же, поступив на службу в управу, он получал такое жалованье, не говоря уже о казенных харчах и пособиях, что мог без труда прокормить всю семью. Теперь им не нужно было убиваться на пашне от зари до зари, а на Праздник весны на их столе наконец-то появится настоящее жирное мясо.

Всеми этими благами они были обязаны исключительно судье Цзяну. Стоило парню заговорить о деяниях своего благодетеля, как слова лились из него бурным потоком. Он уже вознамерился наизусть зачитать уездный указ, как вдруг перед путниками выросли резные стены Павильона Пьяной Зари.

Ху Чжэн осадил коня, а Ху Чэнь недоуменно выглянул из окна кареты. Заведение, представшее их взорам, разительно отличалось от угрюмых постоянных дворов и лавок, которые они привыкли видеть в провинции.

Фасад здания поражал буйством красок. Мастер, расписывавший стены, не поскупился на смелые мазки: позолоченные облака причудливо переплетались с багряными тонами утренней зари, устремляясь ввысь, ярус за ярусом.

Круглые окна верхних этажей манили полумраком, а деревянные ставни на них сходились не слева направо, как обычно, а сверху вниз, напоминая очертания двух резвящихся рыб.

Верхняя была вырезана в виде золотого карпа, нижняя — в виде серебряного; вместе они образовывали идеальный узор Великого предела — Тайцзи. Из-под оконных рам тончайшими золотыми и серебряными нитями струились резные облака, собираясь в пышные клубы.

Казалось, будто волшебные рыбы безмятежно плывут сквозь небесную высь.

Превратить постоянный двор в дивное полотно — поистине великое мастерство, полностью оправдывающее поэтичное название Павильона Пьяной Зари!

Чэнь Эрчжу не торопил гостей. Судья строго-настрого наказал ему: пускай приезжие вдоволь налюбуются диковиной, торопить их негоже.

Очнувшись от изумления, Ху Чжэн спешился и решительно направился к дверям павильона. Управляющий и Ху Чэнь поспешно последовали за ним, стараясь не отставать.

Едва переступив порог просторного зала, Чэнь Эрчжу тут же свернул к стойке.

— Управляющий Лу! — зычно позвал он. — Какая редкая удача выпала сегодня на мою долю! Глядите, кого я привел. Молодые господа, почтенный лавочник Ху, прошу вас, проходите сюда!

Управляющий Ху чувствовал себя не в своей тарелке. Где это видано, чтобы уездный стражник рассыпался мелким бесом перед заезжими купцами? Даже с учетом старого знакомства, получив казенное платье, этот малый ухитрился сохранить прежнюю простоту характера и услужливость, что среди служивых людей встречалось крайне редко.

Лу Юй, усердно склонившийся над счетными книгами, оторвал взгляд от кисти. Чэнь Эрчжу действительно вел к нему трех респектабельных гостей.

Имя лавочника Ху было ему прекрасно знакомо. Опытный управляющий славился на всю округу. Еще когда родители Лу Юя были живы, они частенько говаривали: «Вот разбогатеет — непременно отправимся пировать в заведение старого Ху».

Тогда подобные речи казались лишь несбыточными мечтами бедняков. Мог ли простой мальчишка помыслить, что сам однажды займет место за конторкой управляющего и встретит знаменитого лавочника как равного? На мгновение Лу Юй оробел.

Но он дал обещание судье Цзяну, что не уронит чести заведения.

Подражая сдержанным и властным манерам судьи Цзяна, он глубоко вздохнул, мысленно повторил наставления советника Чжана и с приветливой улыбкой шагнул навстречу гостям:

— Почтенный лавочник Ху, какая честь для нашего скромного павильона!

Законник наставлял его: коли стражники лично ведут кого-то к порогу, значит, пожаловал богатый караван.

Чэнь Эрчжу выступил вперед, беря на себя роль посредника:

— Почтенный Ху, позвольте представить вам хозяина этого места — управляющего Лу. А вам, братец Лу, спешу представить прославленного управляющего Ху из уезда Пинцин. Среди нашего брата-торговца его по праву зовут почтенным старейшиной!

После взаимных вежливых поклонов Лу Юй скользнул взглядом по двум молодым людям, чья осанка и дорогие одежды выдавали благородное происхождение. К какому бы влиятельному семейству они ни принадлежали, столь важные особы не путешествовали в одиночку. С ними наверняка прибыл большой караван, никак не меньше сотни человек.

В нынешние беспокойные времена путь в Линнань был сопряжен со смертельной опасностью. Дикие кручи, непроходимые тропы, рыщущие в лесах хищники и куда более опасные шайки разбойников — одинокому путнику здесь не выжить. Лишь хорошо вооруженное и многочисленное ополчение могло сберечь товар и жизни купцов.

— Господин Ху, — обратился Лу Юй к старому лавочнику, — эти благородные мужи ведут ваш караван? Сколько же людей прибыло с вами под сень Павильона Пьяной Зари? Желаете ли вы занять отдельные покои в уединенном дворике или же предпочтете разместить слуг в общих покоях?

Старик на мгновение растерялся.

— Разве Павильон Пьяной Зари — это не трактир? — удивленно спросил он, оглядывая просторный зал с резными столами и широкими лавками. Посреди помещения возвышался мощный помост для сказителей и музыкантов — верный признак любого крупного провинциального заведения.

Как человек, отдавший торговле добрую половину жизни, старик привык доверять своему наметанному глазу, который редко его подводил.

— От вашего мудрого взора ничего не утаить, почтенный! — с улыбкой ответил Лу Юй. — Однако наш уездный судья особо распорядился обустроить при павильоне отдельные подворья. Они предназначены именно для таких почтенных и многочисленных гостей, как ваш караван. Там есть все необходимое для отдыха и сохранности ваших повозок.

По замыслу Цзян Умяня, это место должно было стать своего рода гостевым домом для заезжих купцов. Готовясь к реформе, судья подробно расспросил своего сотоварища Се Сяо о купеческих гильдиях, ведущих дела на юге. Сопоставив эти сведения с донесениями помощника судьи Чжоу Цюаня, уездный глава разработал четкие правила приема для каждого разряда торговых караванов.

Купцы из рода Ху пользовались особым расположением Цзян Умяня. Их покровители благоразумно держались в стороне от ожесточенной столичной борьбы за власть. Но куда важнее было то, что клану Ху принадлежали богатые угольные копи, и ежегодно их южные корабли везли в своих трюмах тонны отборного угля.

Чэнь Эрчжу несколько дней зубрил описания гербов и купеческих стягов, поэтому сразу же признал фамильный знак «Ху» на повозках и, не теряя времени, привел именитых гостей в Павильон Пьяной Зари.

Убедившись, что Лу Юй самолично занялся размещением гостей и уводит их через внутренний переход во двор, стражник со всех ног бросился обратно в уездную управу. Едва переступив порог кабинета, он взволнованно выпалил:

— Господин судья, караван семейства Ху прибыл!

<http://bllate.org/book/19045/1973409>